

11.

роду, родственного общения. Причина
тому — пламенная страсть и последующее
столкновение взглядов своего времени. Из
повторяющихся рассказов родственников изве-
стно, что Сима был самым красивым
из братьев, высок, умень, энергичен; привлека-
лся успехом у женщин, но голову не терял, кроме
единственного случая, с которого началось... Как
от замыкания Тока, вслыхнули и сплавились
два молодых сердца в одну страсть; вскоре свадьба,
рождение Бориски; на свадьбу первом году жизни
Сима становится отцом, он полон энтузи-
азма, кругом НЭП, подъем экономики, полно ра-
боты, можно хорошо зарабатывать и развивать
семью. (Не торопись, парень!). По мере вхо-
ждения в бытовое русло, естественного прояв-
ления характеров и взглядов супруги стали
духовно отделяться друг от друга. Сима — родился и
большую часть жизни (на тот период) прожил в
еврейско-польско-литовской языковой среде,
учился в еврейской религиозной школе, изна-
чально воспитан в патриархально-традицион-
ной еврейской семье; он был в те годы носи-

тотем еврейской ментальности, в которой забота о семье, о душевном внутреннем мире — не на последнем месте; российская провинция, русский язык, новации времени были для него новым образом жизни, который молодой человек только осваивал; можно сказать так: он был эмигрантом в молодой Советской России из западных районов бывшей Российской империи. У Сименой Доры — всё наоборот, она была коренной жительницей России, легче разбиралась в ситуациях того сложного времени; своё пренебрежение сделало средством управления, а не помощь мужу.

Еврейские традиции, ментальность Доре были, как говорится, под окну, хотя не отрицала как факт, имеющий к ней какое-то отношение: родившемуся сыновку брак (брит милу) сделали; ещё в 1924 году не судить брак — это вызов, его она не хотела. Особенности складывавшихся отношений в молодой семье родня улавливала, но никто не вмешивался и симпатий к родственнице не

наклонивал, а она, в ответ, со всеми ^{ЧО.}
была ровна, тактична, симпатична — далеко не
всем. Дора Борисовна Великанская (ШУФ)
была пикантна, невысока ростом, хороша фи-
гура; когда встречалася прямым взглядом с
её красивыми, чёрными глазами, то возникло
по лицу её, что они насквозь горячены —
кот меня; она была натянута и даже самод-
разована, жила пониманием времени, что со-
згалось у неё с идеями феминизма; ко всему
она ещё курила, правда, огонь изящно. Исходя
из названных и других фактов, могу с опреде-
лённой долей уверенности утверждать, что если
бы феминизм — движение за права женщин
не пришёл с Запада, то он пришёл бы в Туда из
посёлка Богородское; экспериментальной пло-
щадкой для отработки прав женщин была, ко-
нечно, семья, поэтому здесь Сима давно и без-
надёжно маячил рукой на папирасный
«дым идей». своей жены, никогда не
спорил, а утыкался с головой в газеты;
когда же ему остерегались выкладки, он
вскакивал и, как бы спохватившись, говорил:
«Ох, забыл воду на завтра принести», или не-

что подобное, и ходил. Помню это потому, что
в дни школьных каникул нередко гостили у них
из 3-4-х дня. Боря и Рая были душевные, отк-
рывающие ребята, с удовольствием общался с
ними (иначе бы не приезжал); у них были
чудесные игры и юношеская классика,
которую Тётя Дора приносила из библиотеки,
где работала. На одном дыхании, вспых,
помнится, мы проглатывали «Всадник без ко-
ловы»; «К. К.» — Кассий Кальханц всё ещё
сидит в моей голове. На расхват были газета
«Пионерская Правда», в которой пегата-
лись отрывки ещё не вышедшей отдельной
книжной повести «Тайна двух океанов».
В период 30-х Годов входила в широкий
школьный быт также романтические приклю-
ченческая литература Загара, большими чи-
тожами выходили произведения Фенимора
Купера, Жюля Верна, Альфреда Додэ, Алексан-
дра Дюма, Джонатана Свифта, Джека
Лондона и т.д. То было время развития
культы книги, социалистической культуры
в целом, как и время господства личного
укрепления пролетарского культа Сталина;
Культы взаимодействовали.

Памятны были гостеванции у
свои Симы остались для меня беседы,
с тётерой Дорой. Хорошо помню обстановку —
всю, условия, в которых проходили беседы.)

*Семья

жила в однокомнатной квартире, огено-светлой; стена, к которой примыкала входная дверь, выполняла функцию кухни: примотанную к ней
стоял небольшой кухонный столик, над ним —
полки, закрытые тяжелой занавеской, а
рядом со столиком — низкая скамеечка, на которой стояли два ведра с водой, а еще ближе к
двери — Табуретка для сидения — мое место, когда Тетушка стояла у столика и на единственной керосинке готовила еду на предстоящие
два — три рабочих дня; холодильник служил
несколько ровных кирпичей, сложенных в два
ряда, они лежали в углке холодах сеней;
тут же стоял простой складной ящик, склоненный
какой-то ядкой, для хранения бутыли с керосином;
стояла и бориса раскладушка, которую он
ненавидел; на гвоздиках висели
плотяные чешочки с запахом овощей; зимой лежал
запасец дров на пару топок; выходить бывало, все
ты и любившись запахи скучной жизни. И так,

Я доорался до своей Табуретки. Впрогем, этому частенько мешал ребячий крик с улицы: «Борь-ка! Выходи Фим-ка! Лапту играть!». Фимка иногда «велико-душно» отпускал Борьку, а сам всё же таки усаживался на табурет. Разговор начинался, например, так: «Тётьдор, тащившимися-ками проложена книжка Кнут Гамсун. Имя слышал, а больше ничего не знаю, расскажите». Если огни лежали ближе к концу книги, знаят она обрена, а пересказ и особенно смысловая, морализующая часть будет соответствовать какой-либо актуальной идее, поддержанной тётушкой. Но Кнут Гамсон - извёстный норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии 1920 года, погибший в еврейской Дороге, как говорят по-русски, скончавшися: он отказался от своих демократических взглядов, а в период Второй мировой войны прикинулся фашизму, за что после победы был отдан под суд и осуждён. Тётя Дора не была обычательницей; на этой строчке жизни ей не везло, отчасти подвело само мнение, даже самонадеянность, источником которых

2
одн.

Помимо характера были большой духовный мир, и в этом состояла её привлекательная сила. Она, как и многие люди нашего окружения, верила (до периода больших разногармоний!) в идеи социализма; некоторые из них были особенно близки, и она пропускала их через свой творческий чум; к роившемуся в ней феминизму она привязывала идею дружбы народов СССР, а дружбу связывала с идеей культуры – социалистической по содержанию и национальной по форме, при этом, социалистическое считала фактором постоянным, национальное – временным, уходящим; сяя Сима, хорошо знавший историю еврейства и откликавшаяся на разговоры о национальном, утверждала обратное: национальное глубоко сидит в душе человека, приводил примеры – сопоставления, что никогда не умрёт; Дора не отрицала историю, но была убеждена, что с победой идеи социализма отмрёт знание истории народов и в социалистической стране с новым типом государственного устройства все народы СССР сольются в один новый, социалистический народ; Сима

не соглашался: народы одной страны —
 мы могут обединяться в общих интересах её
 развития, совместной работы, но ни один народ
 не откажется от своей истории, создавшей
 национальную традицию, воспитавшей наци-
 ональный характер; оскорбление националь-
 ного достоинства любого человека остро за-
 девает его самолюбие. Я обобщил содержа-
 ние разных мнений, чтобы сказать об осо-
 бой их актуальности в связи с тем, что к сере-
 дине 30-х годов прошлого века Гитлер, его ге-
 ловеконавистнические и антиеврейские на-
 мерения уже были известны миру, поэтому по-
 пуллярная идея дружбы народов СССР была серв-
 ёзным антигезисом нацистской пропаганде.
 Отойдя от этих лет немногого времени, должен с
 сожалением сказать, что идея дружбы народов
 началась в первые же дни войны,
 когда в захваченных регионах СССР немцы
 нашли пособников и соучастников по чин-
 стокенению евреев.

Поездки в Балашиху становились
 реже после смерти моей мамы. Помню
 случаи, когда рано утром вместе с дядей Симой
 уезжал домой: на трамвае — до Сокольников,

11.

шли на остановку напротив пожарной каланчи, вместе дожидались нужного мне номера трамвая, я подировался к окну кондуктора, машины, он отбегал скользим взмахом руки и уходил на работу. Уходящим со спиной вижу первым кадром своего дядю, когда вспоминаю его.

В ноябре 2005 года Люся прислала мне письмо и фотографию с изображением трёх музыкантов; фото было из альбома матери; Люся спрашивала, кто из Тройки - её отец; интуиция не подвела её, однако хотелось знать точно. В фотомастерской вскоре я получил три прекрасно выполненных экземпляра отдельного портрета отца Люси - молодого мужа и не показать её взрослой младшей дочери, которая по причине войны никогда не видела родного отца? Ответ неожиданный и достоверный следует из содержания того же письма. Хочу его процитировать:

ровать, однако разрешения на
отправление письма я у Люси не заслужи-

вал, поэтому право оставляю за ней; по-
чему я все же решился на публичацию
фрагмента письма:

«Трагедии судеб сквозят че^ж это
строк. «Посылаю тебе фотографию (с воз-
вратом!), может ты знаешь кто на ней?
Мне кажется, это первый справа (как
смотрящий) мой папа. Кто остальные, может
ты знаешь. На обработке фотографии напи-
сала, она на это то была наклеена, не я от-
рывала, я её обнаружила в альбоме у мамы,
мама никогда её не показывала, а может я
не помню? ... Мама не любила рассказы-
вать о прошлом, поэтому я ничего не знаю о сво-
их предках, да и Рая, думают, тоже, и выросла я
«русская», по паспорту, еврейка по душе. Сей-
час я частохожу в ближайшую синагогу, зва-
зываю там борцайт по маме и папе кра-
дый год, слушаю молитвы, пение кантора, завер-
шается служба всегда молитвой за Государство
Израиль и гением «Атик бы». ... Приятно, душе-
ально. Таких, как я, пятеро, приходят в синагогу
50-70 англо-еврейских женщин. Вот так».

Почему такой трагический финал отношения к моему дяде? Это же отрицание его присутствия в семье, забвение памяти о нём. Я категорически против. Не думаю, что призыва в разных мнениях на отдельные общественные кампании, проходившие в стране. Из своего «Табуреточного сидения», помню их расхождения по поводу атеизма. Несмотря на нагальное обозрование (Фрейнад-Чатилейский мальчик кончил ушибся с наездом Первой мировой войны) дядя Сима не был религиозным человеком, но и не соглашался с атеизмом; тётя Дора была атеисткой, однако осуждала осуществившийся в ССР разгром религии и пропагандировавшийся неприязнь к ней, поэтому тётушка занялась «научным» атеизмом; от неё я впервые услышал о Гольбахе и Фейербахе; все обсуждения расхождений проходили только в стенах своего дома, возникли также после статей в газете или радиопередачи; обык-

ная семейная ситуация, когда по серьезным и даже второстепенным вопросам нет единого мнения. Где же было в семье моего дяди? А было то, чего не было — ни любви, ни дружбы; возникли две ошибки молодости и следствии — ответственность перед детьми; Третья трагедия — сама любя: только на седьмом десятке жизни она удостоверилась в подлинном облике своего отца; духовный и духовный дискомфорт, который она многие годы испытывала в связи с разностью между записью

в паспорте и чувством национального достоинства, был то признак того, что Дора сделала докторский русский паспорт; родня знала и не одобряла. Возникло и другое вородство, но главное в том, чтобы выполнить моральную обязанность, которую я сам возложил на себя: снять несправедливое забвение с памяти о родном дяде, с помятии о глубочем согре-

15.

Из редких послевоенных встреч с тёщей Дорой запомнилась поездка к ней с моим старшим братом Гришкой в город Дмитров (Подмосковье), где она жила и воспитывала маленького внука Крепыша Стасика — сына Лиси. Мы привезли пару за-водных игрушек, тем обеспечили ей боль-шую занятость, но содержательности об-щения взрослых это не помогло. Встрети-лись с искренней радостью, сердечностью, заметно стареющая тётя Дора мало изме-нилась в своём внешнем образе, в голосе, чувствовалось и в твёрдости характера; это было больше приближало далёкие времена — сколько не столько по количеству лет, сколько по их грандиозному

значению; всё было ясно, недогадываясь перебить верования в рухнувшие надежды, идеалы; говорили о «сегодняшнем дне», о быто-

вухе; бедненькая квартирка тёщи и она сама как напоминание о широ-ко мыслившем человеке — всё это ассоциировалось с музеем: экспона-ты достоверны, но уже не действуют, они омертвели, осталась только память о человеке и о времени, обманувшем его.

14-1

На фронте погиб еще один мой
двоюродный брат Великанский лев Наум-
биз. Он родился в городе Ульяновске в конце
1925 года (или в начале 1926 года), он был
молодже меня значительно, как мне
казалось. Старший брат моей мамы, го-
да Наум (Нойх-так называла его вся
родня) из Ульяновска перевёз свою семью
в Смоленск, а потом в Тамбов, где жил
самый младший брат Мотя. Из города
Тамбова Лёвокка ушел в армию, он был
танкистом; «Погиб в бою», — сказано в
«Книге памяти воинов-евреев, павших
в боях с нацизмом. 1941-1945», том 5,
стр. 376. Строкой ниже сказано о дяде Си-
ме.

Вышло девять томов «Книги
памяти...», Предполагается десятый. Ско-
лько же погибло воинов-евреев, если
понадобилось издать пять томов, чтобы до-
йти всего лишь до Третьей буквы русского
алфавита, с которой начинаются фамилии
с буквенно-согласия Велик? Оказа-
лось, что в это многотомье не включены:

все имена павших воинов=евреев; например, нет сведений о моих братьях Розенбаумах. Данное издание - израильско-российское: публикации в девяти томах подтверждены Центральным архивом Советской Армии при Министерстве обороны Российской Федерации, [по вопросам о гибели советских воинов в годы Великой Отечественной войны следует обращаться в этот архив].

Лёвиному отцу - Науму Абрамовичу Великанскому к началу Великой Отечественной войны было уже за 50 лет, однако его мобилизовали, служил он во вспомогательных прифронтовых частях; вернулся с войны невредимым; его старший сын Абрам Наумович Великанский (Котик) был старше меня, служил офицером на Дальнем Востоке, затем в Северной Корее; после демобилизации жил в Москве. Наицательное имя Котик дало своему первенцу мати; оно прижилось в кругу родни и утратило сущностное значение; Женя Мила пыталась переименовать мужа в Костю, но безуспешно. С Лёвушкой я общался редко и только в добоевые годы: один раз летом ездил с бабушкой в Смоленск, потом дважды Ноях несколько раз проружал в Москву с сыновьями. В моей памяти Лёвушка остался любознательным очень подвижным, добродушным взрослым мальчиком.

50.

В 1931 году наша семья породнилась с большой семьей Хaima и Эстер Нидоцких. Мы жили на Новосущёвской улице, 29, а Нидоцких — погоды напротив, в старой двухэтажной развалюхе, на втором этаже, куда вела мрачная, не освещавшаяся лестница. (На месте того дома и подобных ему на той стороне улицы ещё до войны построили одни из корпусов расширявшегося Московского института железнодорожного транспорта). С двумя сыновьями и тремя дочерьми Нидоцки переехали в Москву из Минска; там остались самые старшие дети — Рафаил и Рахель. Хaim работал наборщиком в типографии «Крестьянской Газеты»; Эстер, будучи профессиональной юмской горничной, подрабатывала дома; на этой почве моя бабушка познакомилась с ней; вскоре обе старушки (в моём тогдашнем понимании) стали близкими подружками.

Я очень

хорошо помню чадом Эстер потому, что у моей бабушки было плохое зрение, она остерегалась

5т.

Тёмной лестницу и часто просила меня проводить её. Нас встречала немногая суетливая, радущая, высокая, полноватая женщина в больших круглых очках и с портновским сантиметром на шее. Живая машина была открыта, лежали какие-то материалы; машина стояла между окном и маленьким буфетиком. Вскоре мадам Эстер, — так называли её моя мама и тётя Лия — жена младшего маминого брата Ефима, — открывала малосенькую уверчу буфетика, клала на блюда несколько карамельных конфеток «Подушечка» и добрым жестом руки угощала меня. Если Лия — самая младшая дочка Нидоциков, моя ровесница была старше, мы отходили в недолёкий угол небольшой комнаты, о чём-то болтали и спопывали подушечки — роскошь бедности. (Лия доживает свой век в доме для престарелых; я бы хотел, чтобы ей грозили всё, что относится к жизни сельчан её родителей; думать, она подтверждает достоверность моих воспоминаний. Единственное, что упомянуло Эстер: с десятилетием она трансформировалась в моё сознание в имя Эсфирь. Однако это разная Транскрипция одного и того же имени одной и той же женщины — еврейки, персидской царицы, которой мы обязаны праздничком Пурим.).

И так, старушки решали женитьб
своих детей. Моя бабушка опасалась, что
её двадцатилетний сын Янкель - весё-
лый, радостный парень погибёт в плохие
руки, а мадам Эстер беспокоилась, что у
её старшей дочери Берты - элегантной и
красивой девушки нет достойного жени-
ха; старушки "увесили" каждого из приславших

к согласию; семья познакомились поближе,
бабушка запустила в ход свою команду: мою
маму как средство внушения к слову любимой
сестры, тетю Литу - искусного мастера тонкой
женской дипломатии. Как рассказывала ма-
ма, ребятам долго глять не дали. И вот, тёплым
летним вечером 1931 года я присутствую на
настоящей еврейской свадьбе в старой
деревянной синагоге в Марбиной Роще. Стар-
ушки склонили замечательную се-
мью, с которой мы прошли всю жизнь, о

зём непременно расскажу. А пока из по-
слесвадебного периода отмечу фак-
ты: 2 мая 1933 года у молодых родился маль-
чик Шурик; в 1933/34 году Гитлер стал полно-
голосным правителем Германии; к началу
войны Шурику было 8 лет; Соня - младшая

сестра Берты за пару лет до войны вышла
замуж, родила мальчика и в первой поло-
вине июня 1941 года говорила его в Минск
показать родственникам. Тетя Берта тоже
собирала Шурика в поездку с Соней, но
у Берты не было денег на покупку сыну
нового костюмчика, к тому отменялся его

Нибощик Рафаил, р. 1905 года - старший брат моей тёти, жил в Минске, был призван в Красную Армию. В 1941 году пропал без вести на фронте Великой Отечественной. О сёстрах Рафаила в частности, я писал в январе 2003 года в Институт-Мемориал «Яд ва Шем». Фрагмент письма:

«Отделу регистрации евреев, погибших от нацизма в годы Второй мировой войны, сообщаю имена моих близких и дальних родственников:

Рахель Гольдблас, рождения 1907 года, минчанка. Погибла в Минске 28 июля 1942 года;

Соня Гольдблат, рождения 1918 года, москвичка. Погибла в Минске 28 июля 1942 года; её годовалый младенец

Сашенька Гольдблат, рождения 1940 года, москвич. Погиб в Минске 28 июля 1942 года. За несколько дней до начала войны Соня приехала в Минск показать своего первенца родителям мужа, сестре и др. родственникам - минчанам. Сестры-однодомилицы потому, что их мужья были между собой родными братьями. Бабушка и дедушка Сашеньки тоже погибли в Минске 28 июля 1942 года... ».

После проверки фактов имена погибших внесли в сайт «Яд ва Шем»:

www.yadvashem.org.il names@yad-vashem.org.il

Спустя месяцы после этого звонит мне женщина из Канады.
После объяснений трудно - стей в поиске моего телефона.

на и выяснения цепочки родственных связей она рассказывает. Это является доказательством второго брака бывшего мужа Сони: он вернулся с войны, 17

лет жил один, потом женился; в разговорах новой семьи бытуют воспоминания о Соне, Сашеньке. Сейчас папа очень стар, дядь не ходят тревожить его полугенной информацией; Элла сообщила мне свой номер телефона и уточнила: Малышу было тогда два года; родной племянник Сони — Шурик Великанский созвонился с Эллой.

На этом ограничить воспоминания о Минской Трагедии нельзя, потому что о бесчеловечном завершении её мы узнаём, — даже трудно представить, — от Хани Небощика. Однако сперва — несколько слов в память